

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?
Диалогические заметки
о современной вологодской поэзии

Поэт зависит от времени, искусство — от эпохи, но ни то, ни другое не меняется бесповоротно и резко вслед за перелистыванием календаря. Русская поэзия, перешагнув в XXI век, влилась в виртуальное пространство, а её лики и звуки остались прежними и потихоньку приелись, замылили глаз, притупили слух, утратили притягательную энергию. Интернет захлебнулся рифмованными строчками, а настоящая поэзия стала засыхать. Разумеется, «не бывает напрасным прекрасное» (Юнна Мориц) — лучшее из созданного в первые годы нового столетия не обесценится и к концу века. И всё же инертность литературной жизни, неотчётливость форм существования поэзии, расплывчатость эстетических ориентиров ещё недавно были вполне очевидны. Они привели к исчезновению литературно-критических статей, посвящённых стихам, обернулись массовым пренебрежением: именно поэтические сборники, причём даже те, за которыми охотились в начале 1990-х, частенько оказывались в мусорных баках.

«Поэтов узнаю я по глазам, Стихи не выделяю как профессию», — написал однажды автор знаменитой песни «Огней так много золотых» Николай Доризо. Да и сегодня законы, по которым мы живём, не способствуют утверждению профессии «поэт» или «писатель». Вместе с тем, основа для оценки творческого человека с точки зрения его профессиональных свойств вроде бы существует — это факт принадлежности к одному из союзов: писателей России и российских писателей (далее СПР и СРП). Изнутри одного из союзов другой нередко представляется неполноценным, малопрофессиональным, незрелым или, наоборот, устаревшим. Однако это либо игра воображения, порождённая нежеланием знать, либо способ самооправдания. Кроме того, для перешагнувшего за порог шестидесятилетия человека любой, годящийся ему в сыновья

и дочери, всегда будет идущим позади или же нагло забегающим вперёд. То, что кто-то из этого нового поколения вполне может двигаться рядом, осознаётся единицами. И в литературных дискуссиях часто принимаются во внимание именно возрастные (молодой — зрелый — старейший) и гендерные (женская поэзия) принципы разделения поэтов. Но зачем?

Мужчине-поэту нередко удаются прекрасные стихи от лица матери, поэтессе — строки от мужского имени. Что делать с такими произведениями критику? Отринуть их ради стройности типологического построения? И почему нужно внушать читателю уважение к прославленному поэту, утратившему чуткость восприятия и загнавшему своего пегаса туда, где жизни нет? Бесконечное же перебрасывание костяшек на счётах бед и обид, упрёков и обвинений двух профессиональных союзов интересно лишь тем, кому статусные отношения и вопросы субординации важнее искусства, а polemika и «перелай» дороже вдохновения.

Ждущий от меня сейчас по отношению к вологодской поэзии именно таких рядов, разделений — разочаруйся и прекрати чтение, ибо все эти подходы я смахну, «как с подушки волос». «Зачем певицыно нам лицо, Раз вся она — только голос?» (Марина Цветаева). Не по лицу и не «по глазам», не по бытовым привычкам, скандальному поведению или наградам узнают поэта. Его единственный неформальный документ — стихи. Звучащие и опубликованные.

Слово «вологодский» тоже считаю внешним определением. Почему автор, родившийся и живущий в нашем областном центре, не может написать о Вологде плохое, хотя и насыщенное топонимическими деталями стихотворение? Отчего москвич, однажды лишь у нас побывавший, окажется неспособен на замечательное произведение без того самого московского отпечатка, о котором заявлял грибоедовский Фамусов? Это и есть, возможно, один из признаков качественности стихов — отказ поэта от упования местными знаками кажущегося «местным» смысла, умение преодолеть границы топонимики через язык поэзии.

Давно и тщетно пытаюсь понять сочетание «вологодская картина мира». Особая конфигурация замочной скважины, к которой припадаем в надежде увидеть, что же там, за дверью, находится? Но для того, чтобы эту особую конфигурацию разглядеть, надо от неё отдалиться, то есть... перестать видеть мир за дверью. И «литературная Вологда» представляется гораздо более внятным определением, чем «вологодская литература», если только последнее не рассматривать так:

литература, созданная в Вологде и Вологодском крае. А край большой. Поэтому ограничусь дальше размышлением о таких поэтах, которые географически — по месту рождения или земного пребывания — с Вологдой связаны и от неё не оторвались окончательно и бесповоротно. Диалог таких авторов с теми, кто внимает стихам в родном городе, в последнее пятилетие активизировался и воскресил надежду на то, что поэты Вологды будут замечены, узнаны или по-новому востребованы его величеством Читателем.

Формы этого диалога такие же, как везде, однако динамика отношений, плотность и интенсивность самой литературно-поэтической жизни, количество пишущих и активно публикующих свои стихи, пожалуй, подтверждают высказанное Александром Тимофеевским определение: «*Вологда — поэтическая столица России*». Читателю нашему таким определением, конечно же, выдан особый аванс, обязывающий даже к большему, чем есть на сегодняшний день, вниманию к стихам. Но сохранение главного принципа в наметившихся предпочтениях и особая твёрдая позиция читательской аудитории при выборе, кого слушать, на встречу с кем идти, меня лично радуют.

Маркировки СПР и СРП вологодскому читателю скучны (он в них путается), к победам в любых конкурсах, фестивалях, а также к премиям он относится насторожённо (судьи — кто? не на безрыбье ли?), а вот появление подборки стихов в республиканской периодике («Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Неве», в «Литературной газете») или книги, изданной «Воймегой» (московское поэтическое издательство), по-прежнему внушают не просто уважение к земляку или землячке, но и располагают к чтению опубликованных произведений.

Встречное уважение тоже есть. Местные журналы и газеты нашими авторами не игнорируются. «Вологодский лад», «Вологодский литератор» более доступны и не в электронной версии: в библиотеках города, в киосках они найдутся. Свои произведения многие вологодские стихотворцы размещают также на специальных сайтах, личной страничке в социальной сети. Это позволяет расширять читательскую аудиторию, узнавать других поэтов, получать отзывы критиков, участвовать в конкурсах, не разъезжая для этого по странам, городам и сёлам. Однако даже такие формы диалога с читателем ориентированы прежде всего на вологжан: их отклик мыслится как самый первый и наиболее важный.

Поэты наши, в связи с работой или учёбой, иногда включаются в столичное пространство и на довольно продолжительный срок, но при первой же возможности предпочитают обращаться к читателю вологодскому. Ярчайшее подтверждение тому — презентации стихотворных сборников, изданных «Воймегой»: сначала книги представляются в Вологде, затем — в Москве и Санкт-Петербурге. Репетиция для автора в домашних стенах? Безусловно. Но и понимание, кому эти стихи в первую очередь необходимы, явно движет поэтами при выборе аудитории. Встречи с читателями потихоньку стали возвращаться в жизнь Вологды. Фестивали «Плюсовая поэзия» (СРП) и «М-8» («Культурная инициатива») тоже поддерживают и одновременно проверяют тех, кто настойчив в своих творческих исканиях и притязаниях. Количественные показатели (число участников чтений и семинаров по поэзии), разумеется, не всегда переходят в качественные, и члены жюри нередко вторят раздражению Феофана Прокоповича, триста лет назад сказавшего: «Все начали стихотворствовать до тошноты». Но вариант отношений, согласно которому «столичные литераторы учат нас писать стихи», уже не ощущим, поскольку вологодские поэты стали интересны не в роли учеников и подмастерьев, а как значительное явление современной культурной ситуации в общероссийском масштабе. Многие из них уже не один год на слуху и у столичных знатоков поэзии, а в родном городе у них появился свой круг внимательных и чутких читателей, старающихся не пропускать новые публикации.

Рискну составить местный алфавитный указатель, выделив десять имён тех, о чьих поэтических книгах и публикациях размышляют, кто по-прежнему вызывает полярные оценки и вполне соответствует представлению о современном вологодском поэте. Разумеется, данный алфавитный указатель и сам по себе, и в наборе кратких характеристик не лишен той субъективности, которая взыскивает к диалогу — и, может быть, не столько с названными здесь авторами, сколько с читателем.

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ

Поэт для спокойной Вологды неожиданный: напористый, даже кричащий в большинстве своих стихов, яркий в любовной лирике, склонный к эrotическим мотивам и образам, подчас прямолинейным и резким. Не восхититься звуковым натиском таких стихов, особенно слушая их в исполнении

автора, сложно. Но восхищение это быстро проходит, а при чтении произведений с листа редко возвращается. Воплощённые в произведениях Валерия Архипова состояния человека «между радостью и бранью» (название книги, изданной в Вологде в 2014 году), постоянно напоминают читателю, что «строчки с кровью убивают» (не случайно и у поэта сорвалось: «Я ранен в горло чуткою судьбою»). Темнота сгущённой эмоции («Ах, мама, мама, кукла умерла!») даже отпугивает. Вина ли это самого автора, или современный читатель просто не готов справиться с такой наэлектризованностью чувств?

Совместный с одной из дебютанток вологодской поэзии сборник «Несовершенство» (самиздат, 2014) тоже не отменил этих качеств: Валерий Архипов способен погружаться в поэтику символизма и не отказывается «поиграть в декаданс», однако даже в этом случае он остаётся создателем замкнутых в своей монологической экспрессии стихов. И всё же недавняя публикация в «Вологодском ладе» убедила, что поэту подвластны другие, помимо любовно-эротической, темы, иная мелодика, не гиперболизированные, не бескомпромиссно-настойчивые признания и просьбы: «Только ты — украшенье в белом — новоявленна и близка», «Вологодский край, с тобой навеки Я останусь на листе бумаги», «Дотронься до руки и корочкою хлеба смети усталость с губ». Переходы от громокипящей поэзии к почти романской лирике, уклонения от сюжета, согласно которому мужчина — бог, оратор, завоеватель, диктатор, а женщина или девушка — лгунья, избегающая участия рабыни, ещё редки и, видимо, смущают самого автора («Банальные стихи»), но именно они свидетельствуют о творческом развитии Валерия Архипова.

ЕВЛЕНЬЯ ВИНОГРАДОВА

В настоящее время жизнь на два города (областную столицу и районный центр Великий Устюг) дистанцирует поэтессу от вологодского читателя («Мой первый изъян — второстепенна»), по-прежнему более расположенного к непосредственному общению или чтению книг, чем к заглядыванию в личные страницы автора в социальных сетях. А новая книга стихов у Евлены Виноградовой сложена, и есть надежда, что лучшее из «Осколков», «Ожидания» и «Отчаянной радости» (самиздат), новых произведений, опубликованных в «Литературной газете», «Неве», «Вологодском ладе», ещё будет оценено не только более широкой вологодской аудиторией, но и столичными критиками, причём вне конкурсной ситуации или интерактивной телевизионной передачи («Вечерние стихи»).

Главные свойства поэзии Евлены Виноградовой — естественность, непреднамеренность живописных образов и ритмов, энергичность стихотворной речи, широта интоационного и тематического диапазона, свобода стилистики, диалогичность. Даже без обращений и посвящений её стихи всегда — разговор, беседа с тем, перед кем автор не заискивает, но и кого, однако, ни в чём не желает убеждать. И потому так легко читающему шагнуть вслед за Евленьей Виноградовой на новогоднюю улицу, где уже «ошкурен сочный мандарин», вспомнить начало зимы («А помнишь, первый снег слетел, как сала шмат на сковородку?»), колоритного деда Зосиму, бабу Любаву, первую учительницу Капитолину Павловну или же просто посидеть рядышком на большом камне, «пока река не подо льдом и осень праздничная длится». У поэтессы есть стихи тишайшие («Я войду тихонько, двери...», «Когда деревья, люди и дома...»), полные глубокого сочувствия к странным и одиноким людям («Сама с собою неустанно...»), к животным, птицам, растениям. А есть и громкие, страстные, дерзкие, неистовые («Пора сорвать тоски репей...», «Распоследний рай»). Но все они — о щедрой и искренней любви к миру земному, все — жизнеутверждающие и в этом своём свойстве так необходимые современному читателю.

МАРИЯ МАРКОВА

Самая известная на сегодняшний день поэтесса Вологды из нового поколения. И вовсе не потому, что в 2011-м получила премию Президента России. Тот, кто следит за творчеством Марковой хотя бы на протяжении последних пяти лет, не может не признать интенсивность ее художественных поисков. Стихи Марии Марковой, написанные в течение месяца или двух и открытые для читателя в пространстве Интернета,— поражают и количеством, и разнообразием. А поэтический путь начинался, как у многих: с распознавания собственной души, со слова, за которым область только сокровенного и личного мира. Этот мир был «осязаемо светел», потом тёмен, болезненно тревожен, а сегодня он «прозаичен и прозрачен» и при этом распахнут для многое и многих. Акмеистическая дробность и одновременно расплывчатость поэтических картин «Соломинки» («Воймега», 2012), слежение «за быстрыми смычками» звуков, боль от того, что «ласточка слов слепа», уступили место вихревому потоку высоких и уже не молитвенно-жалобных интонаций, а зыбкость синтаксиса и блуждание в лабиринте метафор стали преодолеваться рефренными

образами увиденного («женщина с парой великолепных собак»), афористичностью («Мир расходитя, столкнувшись и сердцевину повредив»; «но стоять у провала нельзя, и нельзя не стоять»; «Так тянет расстаться и не расставаться»).

Лирическое движение в стихах Марии Марковой осуществляется как будто по спирали, возникая из внутреннего, смутного, нераспознанного состояния души, преображающего пространство и память. Но перемены самого чувства лирическая героиня страшится («Меняется всё так непоправимо»), как страшится немоты владеющий словом («Нем человек не от рождения») или глухоты — слышащий музыку («не избежать беспамятства, когда ты так звучала!»). Принять в себе другое, иное для такой героини всё равно что развоплотиться, сорваться в пропасть небытия. Оттого нередки в стихах этого автора мотивы смерти, хаоса, пустоты, холода, добровольного молчания, оберегаемого сна. И всё-таки желание пройти «скрытно, тайно» мимо всего внешнего, не подчиниться росту новой жизни в природе, в людях, которые рядом, не всмотреться в их лица в сегодняшних произведениях Марии Марковой оспаривается убеждением: «не получится, нельзя». А потому она растёт, меняется на наших глазах, иногда ёщё боится самой себя («Будто могу сейчас, но нужна решимость»), однако голос её обрёл силу, уверенность, стихи уже не вязнут в музыке пустот, однако и не теряют при этом своей обаятельной хрупкости, утончённости. Ещё недавно Мария Маркова была больше эссеистом в своих стихах, сегодня она — неизменно и почти мгновенно захватывающий читателя лирик — и в поэзии, и в эссеистической прозе, и даже в опыте критического отзыва на поэтическую книгу.

НАТА СУЧКОВА

Узнаваемый по смешению речевых стилей и вниманию к социальной стороне жизни поэт. Читателей «Лирического героя» («Воймега», 2010) Ната Сучкова удивила отсутствием так называемого женского начала и скрытостью собственно лирического «я». Её герою, как будто выросшему из пацансской богемы, уже привычнее и легче было просто наблюдать «ход вещей» (название третьей книги), чем откровенничать, хулиганить, эпатируя читателя. Для выражения собственной реакции на мир важнее оказались персонажи: реальные (девочки из процедурной, Вася-Череп и Ваня-Хан, Машка-Маруся «в синих штопанных рейтузах») и литературные («Спит твой Дубровский — стекло запотело», «Печорин выходит на леса

опушку», «Я пишу тебе, Герда, на серой треске»). Главная линия поэтического высказывания и первой, и последующих двух книг определена позицией современного молодого человека, отрицающего любые крайности бытия, пристально всматривающегося в негероическую повседневность и в ней обретающего опору мировосприятия. Опасность, подстерегающая Нату Сучкову при таком свойстве, связана с возможностью перехода от беспристрастности к бесстрастности, к полному забвению личностной эмоции и иссушению лирики (в этом смысле примечательно и заглавие второй книги — «Деревенская проза»). Ощущая такую опасность, автор иногда влечётся к ломающейся, как голос подростка, интонации, огрубляет строки просторечиями, жаргонизмами или подстёгивает их залихватскими, почти частушечными ритмами («Мы поймали двух лещей, одного подлещика...»), песенными парафразами («Спит твоя девочка — лютик, ромашка кровь с молоком, геркулес на воде — в жёлтой коробочке пятиэтажной, в кукольном домике, Вологде-где»), заговорно-колыбельными формулами («Хорошо да сладко спати, не бояся мёртвых, в старом бабкином халате, на грудях протёром»). Лучшее в трёх книгах Наты Сучковой — стихи, в которых зоркость и внимательность взгляда сочетаются с неутраченной нежностью, чуткостью сердца, а земное пространство освобождается от бытовой и обезличенной предметности и в нём появляется «синее небо», «тёплое облако», «след самолёта».

АНДРЕЙ ТАЮШЕВ

Книга «Об Пушкина», изданная в 2015-м в серии «Том писателей» (проект Наты Сучковой), и публикация в «Вологодском ладе» позволяют увидеть не только то, что Андрей Таюшев вполне самостоятелен в своих стихотворениях, но и ощутить органичность его слова в контексте современной вологодской поэзии. Сборник получился состоятельным как по произведениям, передающим ощущение этапов собственной жизни, так и по текстам, в которых воплощён опыт читательского восприятия литературных образов и сюжетов. Скрепляет эти два рода стихотворений светло-печальный мотив невостребованности собственных поэтических опытов. Лирический герой, «временем взятый на наглый гоп-стоп» и многое растерявший, готов и сам ёрничать над своими «стишками», «стишатами», «дурацкими песнями», «смешными речами».

Поэтическое вдохновение Андрея Таюшева словно его «пассажир-путешественник», не допускающий уныния, скуки и полного

погружения в элегический язык. Ночь в русском городе на Севере или в поезде, весенне солнце и мелкий дождь, слова блокадницы и песня «Сулико» в Тифлисе, звёздное небо и гоголевские «Записки сумасшедшего» — обо всём этом сказано-рассказано без позы, без желания удивить или от нечего делать побалагурить в рифму. Через такие стихи невольно раскрывается авторское убеждение в том, что не только у пространств, эпох и событий, но и у всех людей есть право на особенность — и в этом свойстве поэт и читатель, например, равновелики. Дистанция между автором и человеком простым («Се — странный человек, вернее — человечек»), с обыденным его и грешным существованием, ленью, ошибками, запоями, чтением в вагоне метро («Собаковолк») кажется предельно короткой. Может быть, именно благодаря такой короткой дистанции, поэту удалось, поняв изнутри состояние гоголевского чиновника Поприщина, создать лирический сценарий повести «Записки сумасшедшего» («Тыфу ты, чёрт! Об Гоголя!»).

Андрей Таюшев во многих своих стихотворных строках шутлив и самоироничен, и «полоска света» всегда видна в его размышлениях о жизненных тупиках («Руки-ноги есть, да и сердце бьётся. Хорошо живётся — пока живётся — Хоть на Марсе, хоть на Руси»). Лёгкость слога, стремительность слов и ритма, победительное сияние солнца («Свет сквозь толщи смога Бьёт во все края. Подожди немножко, Засвечусь и я») в его поэзии дополняются наказом самому себе: «Ну-ка, встань и ходи, ведь не век же тебе тут лежать». Надеюсь, что и этой книге, и новым стихам Андрея Таюшева не век лежать без читателей, что и сам поэт вскоре перестанет ощущать себя «всезде только гостем да гостем, То незваным, то званым (что реже), но всё — не родным».

ДАНИЛ ФАЙЗОВ

Его в Вологде знают как инициатора и организатора фестиваля М-8, как человека, который знакомит известных поэтов с вологодской публикой и открывает наш город ими-тым или начинающим авторам. В культурной жизни Вологды Данил Файзов действует в роли пограничника, связиста, дипломата. Он определяет стратегию и тактику фестиваля, привозит интересные книги, ведёт чтения и выступления у памятника К. Н. Батюшкову и гораздо больше говорит о других, чем о себе. Многие успели уже забыть, что Данил Файзов пишет стихи. Но вот она, его книга «Третье сословие» («Воймега», 2015), в которой, думается, представлено далеко не всё из написанного автором.

Большинство стихотворений этой книги балансируют на грани поэзии и созерцательной прозы. Данил Файзов расстигивает лоскутное речевое одеяло на таких словах-колышках, как: «водка» («Когда ты уходишь, во мне начинается водка»), «шарфик» («в день матча локомотива надень шарфик зелёный»), «прощение» («Прости её Ведь все давно простили И прощены») и «память» («Я памяти скажу постой-постой»). С ровной и, в сущности, одинаковой интонацией он говорит о том, о чём можно сказать и не в стихах. Выбор этой интонации, а также ключевых слов, правда, зависит и от читателя, ибо почти во всех своих высказываниях автор снимает знаки препинания и пренебрегает прописными (заглавными) буквами. Но этот же приём размывает композицию — подчас кажется, что вникать в такие произведения можно и с конца, двигаясь к началу, или свободно отсекать целые куски в объёмных текстах. Иногда и «жест нетвёрд»: срываются слuchайные сочетания слов, неоправданные повторы, от которых стихи только тускнеют («из-под бровей из-под ресниц из-под ресниц из-под бровей», «уставь свой взор», «напихал в портмоне», «вот фотографии вот фотки», «ручейки невыстраданных слёз», «красивы», «всё так красиво», «красиво это пёрышко твоё»). Лирическое и своё, интонационно не вторяющее никому, поэтическое, а не рассудительное у Данила Файзова — в стихах о любви и времени: «пока она идёт она летит», «новые вопросы не случайны», «я стану вещью маленькой и нужной», «как жаль что мы не посетили торжество». Недвусмысленность, ясность переживания, органичность строфики и точность завершающих строк в этих произведениях позволяют согласиться с мнением Дмитрия Веденяпина: Данил Файзов не только может писать стихи, но и правильно делает, что пишет их. И есть надежда, что даже плывя по общему течению поэтической реки, он в следующих публикациях «не поздоровается больше с отражением» вязких третьесловных текстов.

ОЛЬГА ФОКИНА

Почти забытая столичными издателями, но по-прежнему любимая и вологодским, и архангельским читателем, она верна себе и одновременно нова в стихах последнего десятилетия. Не столько по изданной в 2014 году книге «Маятник» (подборка стихов, написанных сравнительно недавно, там невелика), сколько по произведениям, появляющимся в «Вологодском ладе», «Вологодском литераторе», очевидно, что

противопоставление города и деревни, крестьянского уклада жизни и суетных влечений-развлечений городской цивилизации сменилось мотивом утраченного единства, а повествовательная и песенная лирика потеснены думой о «беде отчужденья». Появилось множество самоопределений («Я — человек, “С волками жить — По-волчьи выть?” Увольте!»; «Я не сенсационна»; «Извини, родная пресса, Но, живя в родном kraю, Кроме леса, интереса Не имею ни к чему»; «Я — не турист, мне лучше — дома»). Нередкими стали стихи-обращения, посвящения, в том числе детям, детскому миру. Главными в поэзии Ольги Фокиной, связывая произведения XX и XXI века, были и остаются темы семьи и природы. И в них та же боль от разлада («Разошлись родителей дорожки...», «И нет войны, а дети — сиротеют...», «Мужчина, любящий машину...») и радость отозвания («“Цикорий плюс фацелия” — Ей-богу, хорошо»). Но особенное значение у поэтессы обрела тема творчества, а многие стихи связаны с памятью об ушедших поэтах, с определением своего отношения к ним. Воспоминание и отклик на настоящее, частное событие текущего дня и мысль о судьбе человеческой, чужое, но родное слово и собственное откровение, сонет и народная песня — всё это соединилось в стихах настолько естественно и просто, что новые качества не сразу оказались замечены читателями. «Другая» Ольга Фокина — в эпиграфах, в аллюзийных произведениях: «Плакала Таня, как Башня горела», «Празднуя волю, покой и свободу», «Не отрекаются, любя»; в предельно лаконичных и трагических завершениях: «Под берёзой нетверёзый Распластался мужичок. Есть вопросы? — Нет вопросов! Есть верёвка, Есть сучок»; в сарказме: «А давайте соберёмся Все в большие города! Наедимся и напьёмся, Насмеёмся, напоёмся, Набузимся, надерёмся, Переспим... и что тогда?»; в иронии и самоиронии («Утешаю в горе Раю...», «Спец черёмуховую чурку...»); в уверенном, но не показном подхвате слов, которых вроде бы должна сторониться лирика («самодостаточные», «Интернет», «ИНН», «подлянка», «классное», «сплин», «транс»).

Ольга Фокина по своему поэтическому языку и темам — самый смелый, волевой и вольный, самый активно противостоящий любой хандре поэт Вологды. Она более, чем другие, убеждает и в том, что «жизнь интереснее романов», и в том, «что смерти не было и нет Для тех, кто пишет!»

АНТОН ЧЁРНЫЙ

Две наиболее серьёзные книги словно бы написаны разными авторами. Первого — по изданной в Москве книге «Стихи» — правильнее было бы назвать стихотворцем. Представленные здесь произведения демонстрируют разные возможности освоения поэтической формы, но порождены они не столько переживаемым моментом бытия, сколько прочитанным (в том числе и у немецких экспрессионистов, переводы стихов которых включены в издание), желанием философствовать («Голова», «На кипящем народном мосту...», «Пробираясь в толпе...», «Человек»), рефлексировать по поводу подростковых ломок («Стихотворения в прозе») и, главное, настоить на собственных и оригинальных отношениях с «гуттенберговой дыбой».

Впервые открывающему для себя поэта Антона Чёрного, однако, стоит обратить внимание на сочетание «творческая работа» в авторском предисловии, на стихотворение «Срастаются обратно времена...», на образ родного города, заставляющий забыть об экзотических оборотах речи. И всё же лучше начинать это знакомство со второй, внутренне свободной, но и целостной по композиции книги «Зелёное ведро» («Воймега», 2015), где обольщение формой побеждено. В этих стихах ненавязчивая, спокойная интонация, а переживания и мысли порождены уже конкретным пространством (цикл «Займишь»), фактом («Стоит зелёное ведро...»), временем («1982»), человеком («Памяти Ивана Волоснова»), воспоминанием («Потолок»). Органичность соединения литературных символов с природными («Дожди который день, и как нарочно Дочитан нескончаемый Толстой»), точность бытовых образов («Картошка затарена. Гряды пусты. На солнце спина высыхает от пота») придают этим произведениям не найденную в первой книге достоверность, способствуют проявлению в них лирической глубины и силы. Это искренний и очень внятный по языку поэтический рассказ о себе («Хочу всё сжечь: тетради и блокноты...», «Бывшее») и о поколении сверстников («Давай я продолжу, а ты начни...», «Нас кидали сразу за борт...»); о любви к миру («Бабушка говорит...»), о смерти, не отменяющей чувства родства и будущего («Все умрём и будем похоронены...»). Признание того, что «всё просто и обыденно На земле, в земле и под землёй», в лирике Антона Чёрного состоялось, а дальнейший путь этого автора вряд ли кто-то возвёмётся предсказать. Но думается, что две стихии — перевода и собственного творчества — будут по-прежнему подхватывать и обогащать друг друга в его поэзии.

ИНГА ЧУРБАНОВА

Некоторые читатели в Вологде уже потеряли надежду на то, что новые стихи Инги Чурбановой появятся в местной печати, а книги «Клады, яды и огни» (2011) и «На качелях качали» (2012), изданные в родном городе, наконец-то можно будет отыскать и во всех библиотеках, и в книжных магазинах. Залпом выпущенные три года назад в Интернет-пространство 27 стихотворений не дополнились пока журнальными публикациями. И только литературные вечера изредка поддерживают общение с теми, кто не может оставаться безучастным к потерям, пропажам, материнским мытарствам её лирической героини, преодолевающей боль, идущей, едущей, даже летящей наперекор благоразумию, заново разучивающей жизнь, ждущей и отрекающейся, поющею и объясняющей себя. Эта героиня всё время в пути, всё время ищет своё предназначение — в любви и в творчестве, потому что ощущает собственную силу и ответственность даже за отношения двоих. Она сознаёт и своё право на уединение, на «кусок лесов» и свою обязанность стремиться к свету даже в «чёрное время».

В конце 1980-х — начале 1990-х Инга Чурбанова труднее, чем иные поэты Вологды, решалась начать свой поэтический диалог с читателем, непросто ей и сейчас продолжать этот диалог, а не быть «мостом» между Ольгой Фокиной и очень многими, жаждущими лишь сходства и не прощающими различий. Возможно, ещё и поэтому в её стихах так много борьбы с собой («И так устала я С собой участвовать в войне!»), с любимыми и разлюбленными, с подробностями жизни и домашним пленом, от которых её героиня готова бежать в поле, в избу на краю оврага, нырнуть в поезд, увозящий далеко-далеко — впрочем, только затем, чтобы вернуться и снова обрести себя в любви: «Я впадаю в тебя, как в религию, Позабытую мною, прежнюю». В отречении («“Не отрекаются любя”, А разлюбил — и снова барин, Я перестану ждать тебя, И ты мне будешь благодарен»), в отповеди («Собака не залаяла»), в движении навстречу («Что мне за дело — Дождь ли, не дождь, Плащик надела: Ты меня ждёшь») и сокровенной мечте («Увези меня на волке...») героиня Инги Чурбановой близка читателю своей нравственной чистотой и силой. Главный враг этой героини — ложь во всех её обличьях, главные спасители от всех «ядов» — ветер, огонь, вода. В учителях, в помощниках-собеседниках у Инги Чурбановой нередко выступают русские и зарубежные классики литературы, композиторы и музыканты, современные поэты и даже учёные. Вот почему

«световое излучение» её стихов зачастую обращено не только к чувствам, но и к уму и знаниям читателей. Количественный перехлест интеллектуальных отсылок, подчинение им лирического переживания как иллюстрации («Психодиагностический этюд») возможны, но пока и в целом Инге Чурбановой удаётся избегать таких опасных для поэзии поворотов.

ЛЕТА ЮГАЙ

Лирическая героиня её стихов в книге «Между водой и льдом» («Воймега», 2010) как будто находится за витражными окнами: угадываются её очертания, движение руки — но не более. Да и смотрит она не на улицу, а на само сочетание цветов и линий на стёклах. Погружаясь в эти стихи, неизбежно попадаешь в «междуречье»: есть строки, идущие от сердца (их мало) — есть от сознательной работы мысли (таких намного больше). И нет лёгкости слога и того простого откровения, которых всегда невольно ждёт читатель от лирики. Умные, культурные монологи редко утрачивают свою многословность. Через неё, независимо от темы, уже прступает заговорная интонация, как будто усыпляющая читательское сопереживание.

Сильная сторона стихотворений Югай — в вопросах, на минуту обнажающих интерес к миру другого человека и распахивающих витражное окно: «Львы всё добре, львы всётише. Кому такие нужны?»; «Хорошо ли тебе в моём сердце, хочешь ли ты здесь жить?» Отступая от сосредоточенности на себе, от медитативного речевого потока («Прячусь от жизни в травное лето и в слово»), Лета Югай движется к своей формуле любви: «Моя привычка думать о тебе становится похожей на упрямство», «Я потому тебя называю братом, Что ты во всём говоришь противоположное». И всё же многое остаётся как будто зажатым между песком и льдом, в тесных мирках пространственных и эстетических ассоциаций (цикл «Натюрморты с лимоном») или сугубо профессиональных реакций (цикл «Филологический факультет»). Нет ничего неожиданного и в том, что во второй книге «Забыть-река» («Воймега», 2015) Лета Югай пришла одновременно к стилизации, комментарию и интерпретации фольклорного сюжета (циклы «Записки странствующего фольклориста», «Надписи на прялках»). Но многие ли читатели способны сегодня восхищаться таким растворением поэзии в этнографии, мифологии, таким соединением исследовательского интереса к быличкам, сказам, закличкам, баенкам, горюшницам с лирическим творчеством? Стихи от авторского лица, собранные в разделе

«Прямая вода», привлекают больше. Именно в этом разделе на другом, обновлённом чувстве настаивают строки: «Я бы закрыла витражными окнами запад, но как же тогда закат? Ушла бы в пещеру, но мир так манит издалека». И читателей в этой второй книге многое манит: августовские и сентябрьские перелески, весёлые незнакомцы «с той стороны Земли», «карглазая и зеленоглазая рать» домашних животных, утраченных, но незабвенных, «золотая нить» паутины, «сиреневый снег». Привлекает и попытка определить закон бытия через «внутреннее поле» («Просыпаешься — сердце ухает до земного ядра...»), увидеть окружающее городское пространство («Видишь, как просто: взгляном держись за дома. Справа барокко, восемнадцатый век, Слева машины спят, уткнувшись носом в бордюр»). Из этих стихов, где автор «сама себе человек», а не собиратель фольклора и его исследователь, вырастает и читательская надежда на то, что лирическое творчество Леты Югай выживет под тяжестью любых филологических штудий и экспериментов, а поэтический путь её продолжится и без карты с научным маршрутом.

Эти десять поэтов, каждый по-своему и в разной степени, способствуют развитию современной вологодской поэзии. Они идут по отдельным тропам, но к одной дороге, а иногда неожиданно и неосознанно перекликаются друг с другом:

Все — не бессмертные!
Всё похоронят,
Что поимело когда-то зачин.
Будут — развалины. Будут — могилы.
Так повелось!
Но, валясь и пыхтя,
Вон, по тропе, выбиваясь из силы,
Правит свой путь человечье дитя.
<...>
Будет кому покосить эти травы,
Вырастить хлеб средь забытых полей...

(Ольга Фокина)

Все — умрём и будем похоронены:
Мама, папа, бабушка и я.
В землю будем семенем уронены:
Вся семья.

К нам придут потомки и потомицы
По весне порядок наводить,
Приведут праправнуров знакомиться,
Будут гладиолусы садить.

(Антон Чёрный)

Со мною вот что происходит:
Я чувствую, как жизнь проходит.
Со всеми тоже происходит,
Примерно, то же происходит.

(Андрей Таюшев)

Со мною вот что происходит:
Любовь безудержно уходит,
И наш союз необъясним —
Мы оба мучаемся с ним.

(Инга Чурбанова)

Переклички, непреднамеренное сближение образов и интонаций подчёркивают характер обновления традиций вологодской поэзии и позволяют увидеть то, что можно назвать «вологодской поэтической школой» последнего десятилетия. Эту школу, благодаря творческой активности и количеству публикаций, сегодня определяют четверо из названных авторов: Мария Маркова, Ната Сучкова, Антон Чёрный, Лета Югай.

Разные поэтические стили, присущие этим авторам, читатель вправе и не принимать — он может парировать их эстетические предпочтения. Но тот, кто не останавливается на первом поверхностном впечатлении, неизбежно замечает, что каждый из названных поэтов движется от чересчур возвышенных и бесплотных или, напротив, экспрессивно заострённых образов к воплощению такого переживания, в котором проступает как своё, так и всеобщее, глубоко личное, но не частное.

Внешне — это школа без учителей и без назидания-призыва «следуйте за нами!», без притязаний на «актуальность» и гражданственность или на исключительность формы и приёма. Вологодским поэтам не свойственна футуристическая отмашка: в стихах этих авторов есть оглядка на пройденное поэзией и искусством в целом, есть уважение к литературной традиции. Их произведения аллюзийны, однако даже в этом отношении в них нет совпадения с играющей цитатами поэзией конца XX века. Блок и Лев Толстой, Пушкин и Георгий Иванов, Гоголь и Волошин, Некрасов и Кафка, Есенин и Евтушенко, Лермонтов и Цветаева, Мандельштам и Андерсен, Гумилёв и Ахмадулина, Рубцов и Поплавский, фольклорные, сленговые, просторечные и книжные обороты речи — всё это в равной степени необходимо для открытия новых возможностей сопереживания миру.

Сближение пространств, небесного и земного, северного и южного, деревенского и городского, провинциального и столичного, общекультурного и бытового, а также взаимодействие личного чувства и социально-исторических образов-персонажей тоже не позволяют видеть в этих авторах нигилистов-разрушителей. Пропуская сквозь себя космическое и историческое, национальное и чужое, сезонное и уникальное содержание жизни, они созидают своё время и обозначают вневременные ценности бытия.

Люблю давать предмету имя,
и замедлять нарочно время,
и доставать всё невредимым
из беспощадного огня.

(Мария Маркова)

Время, отмеряемое дорогим ролексом,
дороже ли времени,
идущего, допустим, по лесу,
которое ничем не меряют?

(Ната Сучкова)

Века пройдут по кромке васильковой
В весёлом фиолетовом огне.
Необратимо, бестолково
Пройдут по мне.

(Антон Чёрный)

Когда время падает до нуля,
мы уходим во внутренние поля,
разбредаемся по долам.
В это время комната — как Земля.
Мир её четырём углам.

(Лета Югай)

Мысль о времени, об отношении к нему у вологодских поэтов — сквозная и главная, однако время это заполнено не социально-политическими реалиями, историческими событиями, а каждодневными и внешне обыденными испытаниями на человечность, движениями к другому, незнакомому прежде смыслу в обстоятельствах привычных, земных, но не отрешённых от высот духовности.

Принимая настояще как неизбежное, хотя и не катастрофическое столкновение миров, поэты Вологды говорят в

стихах о чувстве края, границы, разлома, рубежа — и о своём желании соединить прошлое и сегодняшнее, давно минувшее и грядущее, несовместимое и разноликое:

Как будто мир поделён между нас двоих
И мы должны его склеить, свести ладони.

(Лета Югай)

Всё обернулось земным. Это я в суете
жалкий язык человеческий в пропасть вложила,
чтобы в болезни и здравии речь нам служила
связью и поводом, но ничего — пустоте.

(Мария Маркова)

Разбежались сапоги — левые и правые,
Мы же, валенки, стоим, разве что не квакаем.
Принимаем ход вещей и собак на привязи,
Изловили дыр бул щил и обратно выпустим.

(Ната Сучкова)

И радость обретения родства
Сменяет темноту неузнаванья:
С Коринфом обнимается Москва,
С Пекином обнимается Кампания.

И Колизей, расколотый, в пыли
Взрастает, словно лилия живая,
И Вологда, по-вепсски окликая,
Саму себя зовёт из-под земли.

(Антон Чёрный)

Открыв книги этих авторов, читатель невольно заметит, что тема детства в этой поэзии важнее и выразительнее темы любви. Здесь можно и оговориться, используя устное пояснение Антона Чёрного: «Да это всё — о любви». Стихи вологодских поэтов по-разному, но всегда настаивают на всеохватности этого чувства, невозможности его отрыва от отношения к миру в целом. А детство и воспринимается как пора именно такой универсальной любви, как время, не омрачённое знанием грядущих ссор, разделений и разминовений, страхом смерти.

Детское прозвище вслух бы моё назвали,
дали с собою бы сладостей мне в кульке.

(Мария Маркова)

Даже не волей — порывом отчаянья
Вспомнить то время: меня ещё нет...

(Ната Сучкова)

Снится мне, как я иду ребёнком,
А из чащи сладких сонных детств
Маленькая манит старушонка
Мастерскую Солнца поглядеть.

(Антон Чёрный)

И совсем не боязно умереть,
оставляя в небе искры и дым,
если кто-то был жив, а кто-то любил.

(Лета Югай)

Темы смерти, разлуки, одиночества для этих вологодских поэтов вообще не характерны, но если они и возникают, то не сопровождаются эмоцией отчаянья, экспрессивной лексикой. Мыслью о возможности возврата к утраченной гармонии, к многоголосности и бесконечности бытия продиктованы мотив роста и мотив спасения от такого «взросления», которое ведёт к очерствению души. И вовсе не гражданской нотой или публицистическим жестом определён путь от «я» к «мы» в поэзии вологодских авторов. А точность и достоверность бытового образа и интонации, непреднамеренность песенного мотива и литературной ассоциации обеспечивают движение к простоте (не имеющей ничего общего с простодушием и наивностью), к ясной строфице, внятности поэтического языка, который освобождается от всего громоздкого или мелкого, достаточного лишь для диалога с собой.

Есть в Вологде и *стихотворцы*, *менее заметные* либо в силу характера публикаций, либо по причине ухода от стихов, обращения к прозе и публицистике.

Для прозаика Галины Щекиной поэзия, скорее, вторичная и пунктирная линия творческого развития, способ отдохновения от повестей и романов, спасения от окружающих её героинь «людей без крыльев». Это медитация, позволяющая всмотреться во внутреннее «я», открыть его так же, как через сновидение. Такое погружение «в сон среди ясного дня» редко завершается цельным и целостным произведением. Но, думается, отчётливость композиции таких стихотворений, как «Последнее письмо осталось без ответа...», «Спит крутолобый солдат...», «Мне часто в детстве снились паруса...», новизна поэтических образов и мотивов в них, освобождение

от эгоцентризма через литературную аллюзию или бытовую деталь благотворны для прозаика, ищущего гармонии сюжета и многомерной картины бытия.

От поэзии, в том числе и для детей, в область очерковой, историко-краеведческой прозы шагнул Геннадий Сазонов. Слишком редкими стали поэтические публикации Михаила Карабеева. В подборке, представленной в январе 2015 года «Вологодским литератором», почти нет новых произведений. Вспыхнула своим сборником «Живая земля» Наталья Усанова — и пропала (из Вологды? из поэзии?): ни журнальных публикаций, ни выхода к читателям. Не обрели ещё пока своего поэтического голоса, слишком увлеклись «обобщением мира», «жизнью, погружённой в самосознание», Мария Суворова и Антон Тюкин.

В новых качественных книгах, в более активной поддержке коллективными сборниками и периодикой очень нуждаются сегодня такие авторы, как Андрей Алексеев, Наталья Адлер, Наталья Боева, Татьяна Бычкова, Михаил Григорьев, Нина Груздева, Элеонора Жукова, Вера Коричева, Павел Тимофеев. На поэтическую погоду в Вологде решающего воздействия они не оказывают, но свой читатель у таких поэтов, безусловно, есть и будет, и оценка или переоценка их творчества ещё должна состояться в вологодской литературной критике.

Назову имена и тех стихотворцев, о ком, как о поэтах, ещё, возможно, заговорят читатели: Елена Абакумова, Джек Абатуров (Александра Кириллова), Александр Зачёсов, Елена Калягина, Константин Козлов, Андрей Медведев (Художник), Владимир Пешков, Константин Павлов, Юлия Паклянова, Кирилл Сивков, Валерий Синицын (Останкович), Олег Сметанин, Александр Соколов, Регина Соболева, Эльвира Трикоз, Михаил Федотовский, Елена Фирулёва, Леонид Юдников.

Список этот, безусловно, неполон, поскольку в нём только те, с чьими стихотворными опытами я знакома. Два имени в этом списке заявлены недавним (21 марта 2015 года) Всероссийским фестивалем современной поэзии. Увиденное и услышанное вызвало резкое неприятие со стороны тех, кто не привык (или уже забыл?) о таких способах диалога с читателем. Но стоит ли обвинять начинающих за эпатажность и причудливость псевдонимов (Джек Абатуров), демонстративный отказ от всего, что не ими инициировано? Всё это продиктовано естественным желанием найти свою аудиторию. Безусловно, это и вызов тому, кто по-прежнему инертен в восприятии

искусства, тяжёл на подъём, а подчас и твёрдо уверен в том, что на фоне Николая Рубцова и Ольги Фокиной в вологодской литературе ярких поэтов не только нет и не будет, но и не надо. Война-вражда с таким современным «почитывателем» оправдана, ибо сражение при подобном отношении «широкой общественности» идёт и за своё право на творчество, и за того редкого читателя-друга, который, влюбившись в поэтическое слово, неизбежно обретает чувство никем и ничем уже не уничтожаемой свободы.

Однако и Михаилу Федотовскому, и Джеку Абатурову необходимо помнить, что «судьба ласкает молодых и ряных» не слишком долго. Да и поэзия во многом есть преодоление себя, своего естественного вроде бы желания самоутвердиться или просто полежать на полке, где уже не жарко, но ещё не холодно. А преодоление себя невозможно без влечения к себе новому, другому. Именно тогда из ватаги экспрессивных и слишком уверенных в себе стихотворцев вырастет личность, о которой можно будет сказать: поэт. Читатель вологодский терпелив. Он подождёт.

Сегодня поэты Вологды уже не вспоминают горько-ироничную сентенцию Тимура Кибирова: «Куда ж нам плыть? Бодлер с неистовой Мариной нам указали путь...»

Они — «плывущие, чтоб плыть», взлетающие — потому что есть крылья, живущие стихами, потому что в них и есть для них дыхание самой жизни.

И всё-таки, если б поэты спросили «Куда ж нам плыть?» — ответила бы так: к Читателю! А ответ на этот же вопрос нам всем: к Поэзии и к тому, что через неё постигается и обретается, — к искренности, доброй красоте, дружеству, любви и свободе.